

ских на северо-западном столпе, непосредственно под портретом князя Владимира (рис. 2). Кроме того, изображение Саввы повторено на северном алтарном столпе. В роспись включен еще один представитель сербских правителей — князь Лазарь Симеон (мирское имя Стефан) — это первый царь из династии Неманичей, Житие которого написано его сыном, первым сербским архиепископом Саввою.³² Так же как и портрет Михаила Палеолога, они написаны рядом с русскими князьями. Это означает, что прославление единой и независимой Руси здесь, как и в летописях XV—XVI вв., строится на сравнении и одновременно подчеркивается возросшее международное значение Москвы. А. С. Орлов считал что, вероятным образцом «Степенной книги» мог быть «Царственник или родослов святых и блаженных царей и архиепископов сербских», составленный в XIV в. в Сербии и занесенный в Россию в XV в.³³ В сербской литературе прославлялись собиратели сербских земель. В летописных сборниках Москвы XVI в. проводились те же идеи, но на русской основе. Описание деяний династии Неманичей, объединителей Сербии, исполнено в агнографическом жанре. Такой же характер носит и «Степенная книга». Изображения сербских исторических лиц в Архангельском соборе представляют собой своего рода иллюстрацию к сербскому «Царственнику», подобно тому как изображения русских князей выглядят иллюстрацией к «Степенной книге». Разумеется, не только идейное родство переводной и отечественной литературы, как отражение сходства исторических судеб, послужило основанием для включения в роспись Архангельского собора сербских чудотворцев. Их изображения, как и портрет Михаила Палеолога, напоминают о династических связях Ивана Грозного. Известно, что благодаря браку Василия III и Елены Глинской московский правящий дом оказался в близком родстве с сербскими деспотами. Характерно, что в свою очередь сербское «Родословие», составленное в 60-х годах XVI в., называло Ивана IV надеждою всего христианского мира.³⁴

Итак, включенная в роспись Архангельского собора галерея условных княжеских портретов всеми ее особенностями и главным своим замыслом очень напоминает общие черты построения «Степенной книги», ее основную идею. Здесь, как и в «Степенной книге», реально ощущаются те золотые ступени, что ведут святых князей в царство небесное,³⁵ представлен тот же «государственный парад».³⁶ Стенопись московского некрополя отличают черты так называемого идеализирующего биографизма, характерного явления в русском искусстве середины XVI в.³⁷

На построении живописной схемы Архангельского собора, безусловно, сказалось влияние такого крупнейшего литературного труда житийного жанра, как «Великие четьи миней» митрополита Макария, к которым в свою очередь по своему агиобиографическому характеру и происхождению вплотную примыкает «Книга Степенная царского родословия».³⁸ Известно, что в непосредственной связи с созданием «Великих четьих миней» находилось составление житий новых русских святых, число кото-

³² ПСРЛ, т. X, СПб., 1885, стр. 42.

³³ А. С. Орлов. Древнерусская литература XI—XVII. М.—Л., 1945, стр. 290.

³⁴ М. Н. Тихомиров. Исторические связи русского народа с южными славянами. — В кн.: Славянский сборник. М., 1947, стр. 192—195.

³⁵ Д. С. Лихачев. Человек в литературе Древней Руси. М.—Л., 1958, стр. 109, 111.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. М., 1953, стр. 311.